САЙФИ САРАИ И ЕГО ПОЭМА «СУХЕЙЛ И ГУЛЬДУРСУН»

Сайфи Сараи (1321-1396), «самый тонкий и изящный поэт Золотой Орды», как о нем пишет поэт Равиль Бухараев, родился в городе Камышлы (где он располагался, неизвестно; по узбекским источникам, Камышлы располагался в Хорезме). Сараи жил и писал в Сарай-аль-Джадид, в столице Золотой Орды, много путешествовал по стране. Его самый известный труд – поэма «Гулистан бит-тюрки». В 1346 году, в период расцвета, страну поразила страшная чума. Затем началась «великая замятня» (1359-1380) – за 20 лет 16 ханов сменили друг друга — большинство были убиты своими же родственниками в борьбе за власть.

Многие золотордынские поэты, ученые бежали в спокойный тогда Египет, где правили мамлюки, говорившие на том же кипчакском языке и собиравшие к себе ученых и поэтов как из Золотой Орды, так и североафриканских стран, а также мусульманской Испании, на которую яростно нападали христиане, уничтожая один за другим мусульманские княжества.
Сараи уехал в Египет после 1380 года, когда Тохтамыш восстановил единовластие в Золотой Орде, однако начинала назревать большая война с эмиром Тимуром. В Египте Сараи работал в султанской канцелярии. Второе по значимости известное произведение Сайфи Сараи, “Ядкарьнамэ”, уже было написано в Египте. Есть еще несколько сохранившихся менее известных произведения Сараи.

В его поэме «Сухейль и Гульдурсун» (1394), посвященной трагической судьбе возлюбленных – шахской дочери

Гульдурсун и пленного золотоордынца Сухейля, есть такие строки:

Сухейля в цепях мимо сада вели…

Душа Гульдурсун словно взмыла с земли:

Узнала любви притяженье душа,
Землей вокруг Солнца круженье верша.

Она полюбила, в мечтанье своем
Себя видя – розой, его – соловьем.

Таким образом, Сараи пишет о вращении Земли вокруг Солнца более чем за 150 лет до Коперника, как общеизвестном факте. Очевидно, что Сайфи Сараи не был великим астрономом, но лишь следовал тому научному пониманию мира, которое к тому времени уже несколько веков существовало в исламе.

Эта трагическая поэма «Сухейль и Гульдурсун» написана после окончательного разгрома блестящей городской культуры Золотой Орды фанатичными войсками среднеазиатского эмира Тимура.

Именно тогда прекратил свое существование город Мухша, тогдашний центр мишарских земель. И вполне возможно представить, что этот Сухейль был нашим земляком, жившим в самой Мухше или где-нибудь недалеко от Мухши, на территории нынешней Пензенской области или Мордовии.

Сайфи Сараи
СУХЕЙЛЬ И ГУЛЬДУРСУН
Перевод Равиля Бухараева

Не вымысел это — правдивая быль
О горькой ли муке, о светлой любви ль,

О времени злом и борениях с ним,
О верности юноши клятвам своим…

Железный Хромец шел войной на Ургенч,
Хорезм сокрушая, как яростный смерч.

Ослеп и оглох от страданий народ,
Всей пролитой крови никто не сочтет.

Стал труд хорезмийцев поживой огню,
Горели повсюду хлеба на корню.

Встал хан Тохтамыш на защиту страны.
Родных разлучая, дул ветер войны.

Сухейль в эти дни оказался в плену.
Кто воину это поставит в вину?

Пытались друзья отстоять храбреца,
Но участь его уязвила сердца.

Прекрасней Иосифа юный Сухейль:
Румяный, как яблоко, стройный, как ель,

Сладка его речь и крепка его стать —
Ширин не смогла б перед им устоять.

Но шея его покорилась ярму,
Кудрявые волосы слиплись на лбу,

Невольника сердце зажато в тиски…
Кто душу его исцелит от тоски?

Печальной дорогой он должен идти,
Жалеют его только птицы в пути,

На сотню ладов в цветнике соловей
Сухейлю сочувствует песней своей.

Колосьев блестят золотые концы,
В полях урожай убирают жнецы:

Для родины их станет хлебом зерно.
Сухейль же и крошки не видел давно.

Плоды, наливаясь, висят на виду,
Кругом благодать, словно в райском саду.

Но шествует мимо рабов череда;
Сухейля к земле пригибает беда.

Не видят глаза чужеземных чудес,
Не радуют сердца ни речка, ни лес…

*

Цепями сковали Сухейля враги,
Набили колодки на обе ноги,

В застенок упрятали в недрах земных:
Ни «ахи», ни «охи» не трогали их.

Светило дневное сокрылось с земли,
Цветок вырван с корнем и вянет в пыли;

Не виден из ямы сияющий свет —
Ни смерти, ни жизни невольнику нет.

Но сильному духом не сгинуть в тюрьме,
Отваге его не угаснуть во тьме.

Вращаются звезды, светлеет восток —
Из правды проклюнется счастья росток.

*

Во тьме ожиданий, в зиндане глухом,
Забылся Сухейль от усталости сном.

Явилось ему сновидение вдруг,
Объяли Сухейля восторг и испуг:

Во сне этом — пери святой красоты
В прекрасном саду собирала цветы.

«Не ты ль тот цветок, — он спросил,
как в бреду, —
Что краше любого соцветья в саду?

Но кто ты? Земной человек или джинн?
Мне имя свое поскорее скажи!
Всевышнего я восхвалю что есть сил
За то, что тебя мне, как солнце, явил!»

Ответа он ждал, ожиданьем томим,
Но пери-судьба посмеялась над ним,

Исчезла, как лань, в золотистом дыму
И сердце огнем опалила ему.

Сухейль устремился за пери вослед
В небесный, прозрачный, струящийся свет,

Но в лунный дворец ее он не попал
И снова в свое подземелье упал.

Печально постигнув, что это лишь сон,
На участь свою вновь посетовал он.

*

В шатре принимал донесения шах,
Победные вести звучали в ушах.

Средь сверстниц своих, краше тысячи лун,
Сияла красой его дочь Гульдурсун.

Прекраснейший с ней не сравню я цветок,
В душе ее — чувств лучезарных исток.

Она, кому ровни вовек не найду,
Гуляла в цветущем гаремном саду.

Сухейля в цепях мимо сада вели…
Душа Гульдурсун словно взмыла с земли.

Узнала любви притяженье душа,
Землей вокруг Солнца круженье верша.

Она полюбила, в мечтанье своем
Себя видя — розой, его — соловьем.

Но в тесном затворе не петь соловью,
На воле заводит он песню свою.

Он розу возлюбит, любви не тая,
Не станет и роза терзать соловья… ;

С подобными чувствами шахская дочь
Все думала: как же Сухейлю помочь?

Не только красива, еще и умна,
Снотворное в хлебе сокрыла она,

Чтоб хлеб этот страже тюремной отдать,
Чтоб юношу пленного вновь увидать.

*

К тюремщику тайно придя в ту же ночь,
Тот хлеб отдала ему шахская дочь.

Когда он уснул, заглянула в тюрьму —
Как яркое солнце, развеяла тьму.

Там пленник, цветком увядая во мгле,
Лежал без сознанья на голой земле.

В слезах Гульдурсун в подземелье сошла,
Коснулась рукой дорогого чела.

Очнулся Сухейль — не поверил глазам,
Подумал, что стал падишахом он сам:

Приснившейся пери сияющий лик
Пред ним ослепительной явью возник.

Щека горячо прижималась к щеке,
Общались глаза на одном языке.

Сказала Сухейлю его Гульдурсун:
«Я в жертву тебе свою жизнь принесу!»

«Я нищ пред тобой, — он сказал, —
но и смерть
Бессильна на чувства оковы надеть.

Тебе я пожертвую душу и кровь!»
Случалась ли в мире такая любовь?

*

Сказала любимому шахская дочь:
«Нам случай удачный представила ночь!

Давай устремимся в далекую даль,
Туда, где не ждут нас тоска и печаль!»

Не спорил Сухейль; в полуночной тиши
Он глянул наружу — вокруг ни души.

Пустились влюбленные в путь при луне,
Печально сиявшей в ночной тишине.

Дорога плутала, свободой маня,
Да только в конце их ждала западня:

Они оказались, себе на беду,
Под солнцем пустыни, как в жарком аду.

В песках этих, как ни захочется пить,
Всем золотом мира воды не купить,

Вовек даже птиц не заманишь сюда,
Им тоже нужны и вода, и еда.

Упав, Гульдурсун не смогла уже встать…
Откуда теперь им спасения ждать?

В пустыне Сухейль не нашел ей воды,
Не выручил их белый свет из беды.

Один он остался на свете, когда
Угасла его Гульдурсун, как звезда…

«Зачем, — молвил он, — эту участь терпеть?
С возлюбленной вместе хочу умереть!»

Сказал — и кинжалом над телом ее
Пронзил горемычное сердце свое.

Померк белый свет, и пропали, как сон,
Движенье вселенной, теченье времен.

Пустыня сокрыла в песках золотых
Высокую тайну о гибели их:

Честней умереть, не теряя лица,
Чем ждать малодушно иного конца!

Нет подвига выше, скажу тебе вновь,
Чем юную жизнь положить за любовь!

Цени свою женщину, слушатель мой,
Всегда она в трудностях рядом с тобой,

Будь верным ей другом, люби, не серди,
В морях ее слов жемчуга находи!

Лейли и Меджнуна я вспомнил — и строк
Излился в тетрадь лучезарный поток!

Творенье мое проживет сотни лет,
В нем царствует правда, в нем вымысла нет.

Прочтут его в самой далекой земле,
Рассказ о Сухейле не сгинет во мгле.

Всевышний, помилуй Сайфи Сараи,
Укрой от несчастий в чертоги свои!

В год Хиджры семьсот девяносто шестой
Свой труд завершил он молитвой святой.

(1394)

Источник: Поэзия Золотой Орды. – М.: Наталис, 2005. – С.152-160.